

Без боязни впасть в ошибку можно сказать — годы уходят, а интерес к Владимиру Семеновичу Высоцкому, к его личности и творчеству не уменьшается, пожалуй, наоборот... Более одиннадцати лет назад унесли его от нас «привередливые кони» избранной им судьбы. Но, как и в июле восьмидесятого, так и нынче нескончаемая вереница людей пойдет на поклон к его могиле на Ваганьковском.

Как и прежде, вокруг имени Поэта и Артиста — рой легенд, мифов и слухов. В том числе — и о последних гастролях в Узбекистане. Как известно, здесь, в Навои, у него случился сильнейший сердечный приступ. Потом, правда, приходилось читать, что это случилось в Бухаре (?)

Как же очистить реальные факты от домыслов и просто вымысла? В этом поможет Василий Повереннов, инженер-энергетик из узбекского города Зарафшан

Малой, поэт и начинающий инженер, они познакомились в 1964 году в Новосибирске, на джазовом концерте. Увлеченный беседой, и не заметили, что концерт давно кончился... Так состоялась эта, как любят нынче говорить, судьбоносная для них встреча.

Симпатия обернулась долгой и прочной дружбой, которую не смогла оборвать даже смерть Поэта. Сегодня квартира Повереннова в Зарафшане, городе, заброшенном в центр пустыни Кызылкум, стала настоящей лабораторией очищения памяти о Высоцком от плесели и сора. Сюда из многих стран приходят изданные там его книги и книги о нем, конверты с рукописями-воспоминаниями. Здесь хранятся все до единой записанные песни Высоцкого, когда-либо звучавшие, за исключением тех, на которые до сих пор держит табу Госкино.

Еще в ту пору, когда Высоцкого не жаловали ни власти, ни критика, Повереннов организовал в Зарафшане «Клуб Владимира Высоцкого». Он объединил десятки людей, дотоле никак не связанных с поэзией и искусством. Делать это приходилось под контролем и, самое печальное, при вмешательстве «компетентных органов», которые то и дело проводили беседы с членами клуба, выясняя, для чего они явшаются с творчеством человека «скандальной судьбы, мечтающего о загранице».

Теперь — некоторые подробности о гастролях Владимира Семеновича, после которых он смог прожить всего лишь год...

Было обычное лето Центральных Кызылкумов. Безоблачное небо. Солнце слепит так, что никакие темные очки не спасают. Над пустыней — мертвящая тишина. Мало кто осмелится в эти часы высунуть нос на улицу.

Правда, сидят в кабинках большегрузных машин люди, что перевозят руду из карьера на золотоизвлекательный завод. Правда, в оглушительном грохоте у мощных дробилок стоят те, кто ловит ценные песчинки в нескончаемой породе. Люди делают золото для страны и «деревянные» для себя...

Высоцкий приехал в пустыню, к этим мужественным парням, чтобы тоже заработать деньги. Они ему были нужны позарез. Чтобы заплатить, наконец, за дачу в Подмошкове — исполняющую мечту Марины Влади. Чтобы оплатить купленные Мариной в Лондоне мебель, лампы, кровати, огромный холодильник, посуду, кухонный комбайн...

Трудно предположить, что все эти разорительные покупки могли доставить Поэту радость — человеку, всю жизнь адским трудом добывающему средства себе и близким...

Он сразу согласился на эти гастролы, устроенные Володей Голь-

дманом, «близким товарищем из Новосибирска», который за эту последнюю гастроль получил втрое больше, чем сам Высоцкий.

— Скажите, Василий Васильевич, как вы думаете, зачем смертельно больному человеку понадобились эти адские концерты в пустыне!

— Зачем? — Повереннов, обычно очень сдержанный человек, стискивает зубы. — Затем, к примеру, чтобы купить Марине соболью шубу. «Она мечтает об

главной причиной смерти была миокардиодистрофия, то есть почти полная изношенность, истощенность сердечной мышцы.

Покая и отдыха он не знал. Но восстанавливался быстро. Тут особенностями организма, но есть и ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервных клеток. И последние лет пять он был на этом «допинге».

Почти весь 1978 год он был в прекрасной форме. Срывы были, но, в общем, держался... 1979 год — примерно до июля был в нор-

репортера. В Зарафшане, когда его, измочаленного после пятого концерта, увозили в гостиницу, за дверку машины ухватился какой-то весь в татуировках парень и прохрипел: «Володька, ты видишь, как мы тебя любим», Высоцкий, глядя прямо ему в глаза, тихо сказал: «По-моему, мы с вами на брудершafft не пили или я что-то забыл!» Фамильярности он не выносил более всего.

— Концерты были ему немалогуту. После одного из них, как вы рассказывали, у Высоцко-

ация, когда все билеты проданы до единого. «Концерты отменять не буду», — его постоянный ответ. Чтобы как-то облегчить, сбегать больное горло, я предложил использовать мою фонотеку, чтобы Володя только комментировал свои песни. Последовал категорический отказ: «Халтурить не хочу и не буду. Люди пришли общаться со мной, а не с магнитофоном...»

Перед каждым концертом Толя Федотов делал ему обезболивающие уколы прямо в горло. Володя выходил на сцену с иглами в шее, так и вел концерт... Смею заверить, никто в зале не догадывался, что перед ними тяжело больной человек.

... В Навои Высоцкого свалил приступ. Ночью в квартире Повереннова раздался звонок: «Нужны лекарства, а здесь их без особого разрешения не выдают».

Василий Васильевич едва дождался утра. Разыскал лекарство и помчался в Навои.

— Я нашел их во Дворце культуры «Фархад», — не скрывая возмущения, продолжает он.

— Понимаете? Не в гостинице, а за кулисами — шел очередной концерт. Володе ввели большую дозу лекарства (а вовсе не водку давали пить, как об этом сплетничали). И он, больной, брел на сцену, пел уже сидя — экономил силы. Иногда забывал слова, нервничал... Успокоился, когда увидел, что я устроился за кулисами: знал, что я знаю наизусть все его песни, и если что, смогу стать суфлером.

Так и закончили концерт. А вечером в гостинице у него снова шла горлом кровь...

— В таком состоянии Высоцкого повезли продолжать гастролы в Бухару!

— Гольдман не напоминал ему о проданных билетах. Просто рассуждал вслух о том, что если концерты отменить и в Бухару не ездить, — больше таких шикарных гастролов не будет. Ведь обещали главному местному правителю познакомить с Высоцким. Володя уступил и на этот раз.

Встречи с высокопоставленным «ценителем» творчества Высоцкого не состоялись, как и запланированные в Бухаре концерты. Здесь у Владимира Семеновича наступила остановка сердца. Спас его только прямая укол в сердце и препараты, которые привез Повереннов.

— Володю доставили в столицу, — продолжает Повереннов. — Думаете, он лег в клинику? Через пару дней звоню ему. Как сейчас слышу его уставший, чуть изменившийся и такой родной голос: «Кажется, выкарабкался. Заиграю — съемка... Работано!» Ровно через год его не стало.

— Понимаю, что любимые песни Высоцкого для вас нет. И все же... Какая особенно дорога, Василий Васильевич!

— Жизнь он прожил трагически короткую. Это ясно. Снял ее до предела, чтобы прожить что-то отпущено, по максимуму. Думаю, понимал что гонку начал неминуемо. Потому — для меня самая любимая его песня, в которой Володя как будто пытается сбить бешеный темп этой гонки, но и гонит судьбу к краю обрыва, из которого нет возврата. В этом — весь Высоцкий!

Станислав АЛТУНЯЦ.
Фото
Леонид МОНЧИНСКИЙ.

Сов. молодежь. Иркутск - 1992. - 25 янв.

«ВДОЛЬ ОБРЫВА, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ ПО КРАЮ...»

Новые факты о последних гастролях в Узбекистане

этом», — признавался Володя. Чтобы хорошенько обставить квартиру в «башне» на Малой Грузинской, откуда его понесут хоронить.

— Каким вы увидели Владимира Семеновича, когда под палящим солнцем он приехал из Учкудука в Зарафшан!

— Там его концерты прошли с аншлагами, как, впрочем, везде. Но... один из друзей поднес задыхающемуся от жары Володе стакан ледяного «боржоми»... Удружил, одним словом. Потом это сказало... Тогда же он приехал в Зарафшан относительно бодрым для больного человека, который к тому же впервые оказался летом в горячей пустыне. Чувствовалось все же, что учкудский «рубеш» дался ему нелегко...

— Здесь, в этой квартире, вы беседовали с Высоцким. О чем, если не секрет!

— Не хочу кривить душой... Глядя на Володю, я с ужасом думал, что он вряд ли долго протянет. Сказывалось и нечеловеческое напряжение, и действие наркотиков, без которых он уже не мог... Потому что петь с больным горлом на обжигающей кызылкумской жаре с ветром, да еще по четыре-пять концертов в день, не смог бы и здоровый человек. Ведь концерты шли в летнем кинотеатре — чтобы собрать побольше публики. Все это трудно вспоминать... Позади у Володи были неприятные «переговоры» в министерстве культуры, на фирме «Мелодия». Чиновники думали совсем не о том, чтобы сделать его жизнь хоть чуточку легче... Вот об этом и говорили тогда.

— Наверное, будь у Высоцкого хоть чуть более покладистый характер, его жизнь продлилась бы...

— Что теперь гадать?! Он был таким, каким был... Запрещенные книги, снятые с афиш спектакли, конечно, отняли немало сил, как, впрочем, и любовь к Марине, которая и вдохновляла, и отнимала силы и время от трудного и недолгого творчества. Хлеб свой он зарабатывал честно!

... Прерву на время моего собеседника, чтобы предложить читателю некоторые факты, приведенные в еженедельнике «Столица» добросовестным человеком, опытным врачом Анатолием Федотовым, который, к счастью для Высоцкого, сопровождал его в той поездке по городам Узбекистана.

«В последние годы у него были приступы удушья, возникало чувство нехватки воздуха. Физически он был очень одарен от природы. Детский ревмокардит? Может быть, это и сказало. Ведь

ме. А в июле начались гастролы в Среднюю Азию и...»

Вернемся в Зарафшан, в квартиру Повереннова.

— На первом же концерте некоторые зрители начали выкрикивать: «Давай, Володя!», «Жми, дорогой!» Он спокойно выдержал паузу, положив гитару на стул. Оглядел зал. И произнес в наступившей тишине: «Будете орать — петь не стану».

Он не хотел популярности, устал от нее. Не любил, когда его фотографировали. В Навои прогнал слишком назойливого фото-

го горлом пошла кровь. Нельзя было остановить эти кошмарные гастролы!

— Что я мог сделать? Володя не умел щадить себя. А тут ситу-

Следующий номер газеты «СМ»

выйдет в четверг, 30 января.

Главный редактор Олег ЖЕЛТОВСКИЙ.